

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»
Институт социально-гуманитарных наук
Кафедра «Социология и политология»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
И.о. заведующего кафедрой,
к.социол.н.,
_____/С.В. Одяков/
« ____ » _____ 2018 г.

Политика мультикультурализма и ее влияние на развитие Европейского союза

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 41.03.04. 2018.31-043. ВКР

Руководитель, доцент, к.и.н
_____/ Л.М.Батурин /
« ____ » _____ 20 ____ г.

Автор
студент группы СГ – 408
_____/ Е.А.Крутько /
« ____ » _____ 20 ____ г.

Нормоконтролер, профессор
_____/ В.Е. Хвощев /
« ____ » _____ 20 ____ г.

Челябинск 2018

АННОТАЦИЯ

Крутько Е.А. Политика мультикультурализма и ее влияние на развитие Европейского союза – Челябинск: ЮУрГУ, СГ– 408, с. 65, библиографические список – 78 наим.

Тема данного исследования – политика мультикультурализма и ее влияние на развитие Европейского союза

Актуальность данной работы обусловлена тем, что миграционный кризис и проводимая политика стран ЕС стала основой для многих проблем в ЕС: социальные проблемы, терроризм, распространение преступности.

В связи с этим, целью данной работы является определение основ политики мультикультурализма и ее воздействия на страны Европейского Союза.

Объектом данного исследования является Европейский союз.

Предметом исследования является политика мультикультурализма в странах Европейского союза.

В качестве основных источников были использованы данные отдела ООН по народонаслению, а так же данные различных комиссий и отделов ООН, Римский договор. Так же при анализе были использованы работы таких авторов как: Тишков В.А., Сахарова В.А., Куропятник А.И. Так же были использованы статьи в таком журнале как: Мировая экономика и международные отношения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
СРАВНЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ПЕРЕДОВЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	9
1 ТЕОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА	
1.1 Использование политики мультикультурализма.....	10
1.2 Сущность, особенности и факторы мультикультурализма	18
2 РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА СТРАНЫ ЕС	
2.1 Мультикультурализм в политике ведущих стран ЕС.....	29
2.2. Проблема кризиса политики мультикультурализма в странах ЕС	47
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	58
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	61

ВВЕДЕНИЕ

Глобальные процессы, которые идут в современном мире все чаще меняют характер межэтнических отношений, а так же пронизывают национальные культуры

Проблемы межэтнического и межкультурного взаимодействия относятся к одним из наиболее обсуждаемым в современном мире. За последние 50 лет проходят споры между сторонниками мультикультурализма и сторонниками ассимиляции.

В мире насчитываются более 258 миллионов мигрантов, это примерное население Индонезии. Из этого числа почти $\frac{1}{4}$ - мусульмане, которые в данный период проживают на современном Европейском пространстве. По данным статистики [64] на конец 2017 года, количество мигрантов в Европе колеблется от 1,1 млн до 1,5 млн. Причем около четверти мигрантов прибывают в страны нелегальным путем, без документов .

После Второй мировой войны в Европе образовалась крупная мусульманская община. Последствия войны вынудили Европу воспользоваться притоком рабочей силы для восстановления своей экономики. В итоге, в Европу «хлынул» поток людей из стран Африки, Азии, стран Карибского бассейна... Темпы прироста мусульман в странах Европы в три раза превышают аналогичные показатели коренного населения. Если эта тенденция сохранится, то мусульманское население в Европе к 2025 удвоится.

При упоминании термина «мультикультурализм» в политическом дискурсе возникают частые дискуссии вокруг определения данного термина. В самом широком смысле, мультикультурное общество - любой мультиэтничный и мультиконфессиональный социум граждан, в котором исключается ассимиляция культур одной доминирующей культурой.

В узком смысле, мультикультурализм - это политика признания гражданских прав и культурной идентичности этнических и конфессиональных меньшинств.

Вопрос создания устойчивого полиэтнического общества - одна из важнейших задач современных наук. В связи с этим, мультикультурализм является центральной темой научных, политических и общественных дискуссий, которые ведутся на протяжении нескольких десятилетий в развитых странах, преимущественно в Западной Европе.

Таким образом, актуальность данной работы обусловлена тем, что миграционный кризис и проводимая политика стран ЕС стала основой для многих проблем в ЕС: социальные проблемы, терроризм, распространение преступности.

В связи с этим, целью данной работы является определение основ политики мультикультурализма и ее воздействия на страны Европейского Союза.

Задачи, которые необходимо решить для достижения поставленной цели:

- рассмотреть реализацию политики мультикультурализма в странах ЕС;
- проанализировать сущность и особенности политики мультикультурализма;
- изучить политику мультикультурализма в ведущих странах ЕС;
- выделить причины кризиса политики мультикультурализма в странах ЕС;

Объектом данного исследования является Европейский союз.

Предметом исследования является политика мультикультурализма в странах Европейского союза.

В качестве основных источников были использованы данные отдела ООН по народонаслению, а так же данные различных комиссий и отделов ООН, Римский договор. Так же при анализе были использованы работы таких авторов как: Тишков В.А., Сахарова В.А., Куропятник А.И. Так же были использованы статьи в таком журнале как: Мировая экономика и международные отношения.

Структура работы состоит из введения, двух глав, в каждой из которых по два параграфа, заключения и библиографического списка.

СРАВНЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ПЕРЕДОВЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды по исследуемой проблематике и научные и аналитические статьи. Наиболее последовательно феномен мультикультурализма рассмотрен в трудах западных специалистов: канадского политолога, философа У. Кимлики, англо-американского политолога Ч. Кукатаса, предлагающего подробный анализ сущности этого явления, а также Ч. Тейлора и Б. Бэрри. Теоретической разработкой феномена мультикультурализма занимался петербургский исследователь А.И. Куропятник, который описывает уровни мультикультурализма и дает его развернутое определение. Теоретическое обоснование мультикультурализма и различные подходы к его пониманию представлены в работах Т.П. Волковой, которая посвящает значительную часть своей работы исследованию самого термина мультикультурализм, его появления и эволюции в западной и отечественной науке и др.

Существует обширная, преимущественно англо-язычная, литература, посвященная проблемам мультикультурализма и его критике (Б.Барри, С.Бенхабиб, А.Бьюкенен, А.В.Веретевская, Н.Глейзер, П.Кивисто, У.Кимлика, Ч.Кукатас, М.Уолцер, Д.Фрам, Ю.Хабермас, С.Хантингтон, А.Шлезингер (мл.)

Среди российских ученых данной проблемой занимались такие авторы как: А.С.Колесников, А.И.Куропятник, В.С.Малахов, О.Ю.Малинова, В.А.Тишков

1 ТЕОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

1.1 Использование политики мультикультурализма

Общая концепция теории мультикультурализма постулирует равенство прав и возможностей придерживаться своих культурных традиций всем социальным группам и сообществам людей. Вследствие чего, все культуры, существующие в рамках государства, наделяются равнозначным статусом, что тем самым составляет суть плюралистической философии мультикультурализма. В результате чего, рождается тезис о положительном значении культурного разнообразия, каковое оценивается как проявление национальной силы. Так как, чем больше культурное разнообразие, тем богаче культурная жизнь страны. Для объяснения тезиса позитивного отношения к культурному разнообразию, сторонники мультикультурной теории используют следующий тезис: каждая культура аналогична музыкальному инструменту, который достигает пика своих музыкальных качеств только в составе оркестра, под которым мультикультуралисты понимают культурное многообразие.

Важным фактором обоснования политики мультикультурализма является следствие развития идеи либеральной демократии. Согласно либеральной логике, эмансипация индивидуума происходит не только в политической сфере, но и культурной. В результате чего, государство лишается права поддержания и распространения через институты социализации единой стандартизированной культуры. Принципы и нормативы либеральной идеологии не позволяют дискриминировать или препятствовать распространению и развитию культуры: «тех, чье мышление не соответствует норме» [17, с. 8].

С точки зрения мультикультурализма: «общество свободно в той степени, в какой оно готово терпеть наличие в своей среде объединений, придерживающихся иных стандартов и практик [17, с. 24].

В результате чего, государство декларирующее приверженность либеральным ценностям вынуждено отказывать себе в поддержке культуры, которую исповедует большинство населения страны. Другими словами, принцип культурного плюрализма, налагает обязательства на либеральное государство, которые уравнивают в правах все культурные традиции, и в потенции могут нанести ущерб основной культурной традиции населения страны.

Автор теории американского мультикультурализма Уилл Кимлика указывает, что все попытка государства интегрировать население в унифицированную национальную культуру: «...делались не в силу исключительно альтруистических соображений. Были опасения, что, если рабочий класс не будет идентифицироваться с британской цивилизацией и чувствовать лояльность по отношению к ней, рабочие могут поддаться искушению поддержать «иностраные» идеи, особенно коммунизм и советский большевизм. Более того, с точки зрения государства легче управлять обществом, когда его граждане имеют общий язык, культуру и идентичность» [15, с. 415].

Крайним по счету аргументом сторонников мультикультурализма является тезис об открытии перед индивидуумом свободы выбора идентичностей, каковая свобода создает потенциал для личностной самореализации, что в свою очередь: «становится источником обогащения и двигателем креативности для европейской цивилизации также как для любой другой» [60].

Исследователи [56] феномена мультикультурализма выделяют две основные типологии: «мягкий» и «жесткий» мультикультурализм. Ниже подробнее раскроем суть этих двух типов мультикультурализма.

С точки зрения сторонников «мягкой» формы мультикультурализма допустимо существование внутри государства не интегрированных этнокультурных меньшинств, но важно подчеркнуть, что такое состояние не должно иметь искусственной поддержки.

При этом право выбора культурной идентичности дело исключительно индивидуума, который сам волен решать ассимилироваться ли ему и в какой

степени или нет. Государство не вмешивается в процессы ассимиляции меньшинств. Единственный фактор, который может заставить национальное меньшинство к ассимиляции это здравый смысл и прагматический интерес.

Межэтническая и религиозная толерантность так же является важной характеристикой мягкой формы мультикультурализма. Этот принцип так же является неотделимой частью либерального дискурса, к каковому напрямую восходит мультикультурализм как явление социально-политической жизни западного либерального общества: «Мультикультурное общество, построенное по принципам классического либерализма, может содержать и ряд нелиберальных составляющих. Тем не менее, оно не будет пытаться ни изгнать, ни ассимилировать эти элементы – оно просто будет относиться к ним терпимо» [56].

Важно понимать, что «мягкий» мультикультурализм признает невозможность сохранения культуры меньшинств, из-за отсутствия среди них четко разделяемых сущностей (истории и развития нарратива). Этот тезис рождается из-за конструктивистского понимания культуры. По мнению представителей этого подхода этническая культура иммигрантов есть нечто иное как непрерывная работа воображения находящегося в процессе поиска в пространстве коллективной памяти этнического фундамента для стабильного производства культурной идентичности в рамках нового сообщества. И отсюда, сторонники «мягкого» мультикультурализма находят решение снятия проблемы культурных различий в рамках многосоставного сообщества людей. Необходима атмосфера гражданского диалога, где дискурсы «воображаемых сообществ» (которыми по их мнению являются культуры) пришли бы в рамках общения к консенсусу и сняли бы проблемы культурных противоречий.

В результате, представители различных культур в пространстве диалога решат какие формы культурных традиций стоит оставить в прошлом, а какие взять с собой в будущее. Но самое главное, вчерашние мигранты, по мнению сторонников «мягкой» формы мультикультурализма, могут войти в лоно

культуры большинства и в ней растворится, так как в ходе диалога возможны пересечения и совпадения границ культур.

Противоположную позицию выше изложенному занимаю сторонники «жесткой» формы мультикультурализма, которые считают, методы «мягкой» типологии не достаточными. Государство не должно занимать нейтральную позицию, а напротив всячески способствовать сохранению у меньшинств их форм коллективной идентичности.

Так как в реальности, государство почти никогда не занимает нейтралитет в ассимиляционных процессах, а зачастую всячески способствует интеграции меньшинств в культуру большинства, меньшинства оказываются перед дилеммой, в которой они должны «отказаться от своего языка и культуры во имя других... в то время как члены большинства не стоят перед необходимостью подобных жертв» [15].

Поэтому, чтобы уравновесить ситуацию несправедливости, меньшинства должны быть наделены особыми правами. Кимлика, будучи сторонником «жесткой» формы мультикультурализма решает перечислить те группы меньшинств, которые «достойны» этой компенсации: коренные народы Канады, Австралии и США (в Европе в эту категорию следует отнести цыган); исторические языковые меньшинства в составе национальных государств; афроамериканцы; новые сообщества иммигрантов.

Коренные народы были лишены земли, своего языка, своей формы государственности. И, по мнению мультикультуралистов, в обмен за угнетение в прошлом они достойны получить право на участие в контроле за природными ресурсами на территориях, на которых они проживали в прошлом и в настоящем времени.

Группы людей угнетенные по языковому признаку заслуживают, по мнению мультикультуралистов, всесторонней поддержки по сохранению своего родного языка. Чтобы восстановить историческую справедливость, в обмен за угнетение, языки меньшинств должны стать государственными и преподаваться в школах

Обязательное предоставление гражданства иммигрантам станет уверенным шагом по включению иммигрантов в новое сообщество и, по мнению мультикультуралистов, дальнейшим развитием идеи современного либерального демократического государства [15, с. 454].

Расширение политики «культурного признания» как инструмент борьбы со статусной иерархией. Эта политика включает в себя такие меры как: ликвидация негативного стереотипа меньшинств в публичной сфере. Эта задача решается путем создания позитивного образа в СМИ (выставление продуктов культур меньшинств в позитивном свете). А так же введение в институтах социализации специальных курсов знакомящих с историей и культурой меньшинств.

Меньшинства смогут повысить свою самооценку, при помощи выше рассмотренных мер, так как, по мнению мультикультуралистов, в отношении меньшинств существует дискриминация, исходящая от остального общества.

Но далее следует сделать уточнение, что представители «жесткой» типологии мультикультурализма предлагают распространять меры «культурного признания» не только на этно-конфессиональные меньшинства. По версии мультикультуралистов этой «жесткой» линии дискриминация существует и на языковые меньшинства (негласно имеющих более низкий статус, чем язык большинства), и на некоторые социальные группы в межличностном взаимодействии. На последнем стоит остановиться чуть подробнее. С точки зрения мультикультуралистов, белый мужчина, исповедующий христианскую религию и имеющий гетеросексуальную половую ориентацию, находится в своем статусе выше по отношению к неграм, женщинам, евреям и гомосексуалистам [15, с. 422].

Политика «культурного признания» должна исправить, то что является с точки зрения мультикультуралистов, «аномалией», и сделать все меньшинства в мультикультурном обществе равными в своих правах в гласном и негласном статусе. Так как, по логике мультикультуралистов, представители меньшинств не совпадающие своей культурой, цветом кожи, религией, половой ориентацией с

культурой большинства не должны на этом основании «стигматизироваться», а напротив заслуживают уважения и поощрения за свою инаковость. Так как инаковость, с точки зрения либеральной теории, есть прямой путь к развитию такого общества.

Однако мультикультуралисты замечают, что не все элементы культуры меньшинств могут считаться позитивными для общества западной либеральной демократии. К негативным элементам культур относятся содержание в них принципов противоречащих таким либеральным ценностям закрепленных в преамбуле Всеобщей декларации прав человек как: индивидуальная свобода, равенство граждан перед законом и гендерное равенство и так далее [62].

В связи с вышесказанным, возникает потребность предоставления второму поколению мигрантов возможности смены культурной традиции, каковая бы отвечала нормам либерально демократического общества. В результате чего, проблема вписывания в западное либеральное общество мигрантов будет снята.

Крайнее рассмотрение теоретического направления в мультикультурализме заслуживает так называемый «радикальный мультикультурализм», содержание которого мы раскроем ниже.

«Радикальный мультикультурализм» в своем содержании занимается поиском раскола культуры меньшинств и доминирующей западной культуры. Этот раскол содержит в себе следующие меры: восстановление доколониального образа жизни культур меньшинств и обращение эмансипированных народов к изначальным культурным моделям.

Вследствие чего, «радикальный мультикультурализм» обращается к критике либерального и марксистского дискурсов, как производных от культурного развития западного общества, каковые ни в коем случае не могут быть векторами развития культур национальных меньшинств.

«Радикальный мультикультурализм» постулирует отказ от западного универсализма в любой форме – христианство, либеральный и марксистский дискурс и так далее. Этот отказ исходит из критики западной культуры модерна.

Так как, по мысли сторонников «радикального мультикультурализма», эта культура ответственна за все негативные явления современного общества (колониализм, расизм, нацизм, коммунизм, распад традиционных структур общества, холокост, апартеид и так далее). Важным пунктом «радикального мультикультурализма» становится эпистемологический раскол культур национальных меньшинств с европоцентричностью. Этот эпистемологический раскол несет в своем содержании девестернизацию в образовательной системе.

По мнению российского исследователя Тлостановой: «Возникает глубинная задача — не просто поменять форму упаковки знания, набор курсов, эффективность обучения или список модных сегодня компетенций, но деконструировать сами основания знания и обучения. И здесь опыт незападных космологий, систем генерирования знания и культурно-эпистемологических моделей может оказаться гораздо важнее для XXI столетия, чем исчерпавший себя западный...» [42, с. 20].

Крайним тезисом «радикального мультикультурализма» является отрицание единства исторического процесса. Согласно этому тезису, человеческая история есть множество гетерогенных структур истории. «Радикальные мультикультуралисты» отрицают универсальность христианского нарратива, секулярного нарратива Гегеля о бытие мирового Духа истории, или формационного марксистского подхода к историческому процессу, признавая все это формой культурного расизма. На самом деле, по их версии, существует множество отдельных историй со свойственным каждому народу и каждой культуре собственному нарративу и собственному цивилизационному пути развития, без какой либо универсальности, что христианской, что гегельянской, что марксистской.

«Радикальные мультикультуралисты» соглашаются с термином Фукуямы о «конце истории», они признают существование переломного момента для человечества, однако дальше они делают противоположный вывод нежели сам Фукуяма и либералы: «Конец истории» означает гибель тех глобальных проектов,

которые появились в мире с момента зарождения христианства и несли в своем содержании сценарий прямолинейного поступательного развития человечества. Вместо этих проектов человечество получит локальные, свойственные каждой культуре социальные модели которые «обеспечат ускользание из темпоральной гегелевской диалектики; то есть из ощущения линейной прогрессии вопреки концептуализации новизны скорее в темпоральном, чем в пространственном измерении» [64].

Серьезный вес этим теориям, которые кажутся нам умозрительными придает практика. Теорию «радикального мультикультурализма» в разной степени удачности реализуют в Мексике сторонниками левого сапатистского движения индейцев. Так же в латинской Америке в Боливии и Эквадоре реализуются попытки создания университетов, исключая модель западного университета и западного образования.

В России в силу существования в ней мощного либерального дискурса, идеи радикального мультикультурализма так же широко распространены. Например, российский публицист, колумнист газеты «Завтра», при этом являющийся открытым исламским фундаменталистом Шамиль Султанов свободно постулировал тезисы «радикально мультикультурализма»:

«Исламский мир в силу, прежде всего, религиозных факторов и причин, оказывается способным к цивилизационному сопротивлению, отказываясь стать винтиком глобального социально-экономического миропорядка... Почему столь настойчиво западные идеологи и политики выступают в защиту прав мусульманских женщин, требуя их «эмансипации», «равных прав», «допуска их на рынки труда» и т.д.?... Если разрушить фундаментальные исламские принципы и нормы, расшатать мусульманский социум, то освобождается огромное экономическое пространство для экспансии западной потребительской цивилизации» [65].

Последователи теории «радикального мультикультурализма» имеют различные не совпадающие между собой цели, за исключением одного – они все

против гегемонии западной культуры, западных ценностей, западного дискурса в философии, образовании, науке и образе жизни. Иными словами, речь идет о попытке построения многополярного мира, где каждая культура будет иметь свое право на виденье мира и самих себя, без диктата западной культуры.

1.2 Сущность, особенности и факторы мультикультурализма

С конца второй половины XX века процесс интеграции мировой экономики, взаимодействия акторов международных отношений и стремительный рост трудовой миграции возрос до такой степени, что страны мира не могут более сохранять автономность от процессов глобализации. Интеграционные процессы приносят с собой большой ряд проблем и затрагивают интересы всех народов и стран мира.

Среди прочего глобализация привносит с собой быстротечность социально-экономических процессов, за которыми теоретическая рефлексия отстает. В результате чего, объективная реальность остается не описанной или только фрагментарно. Фрагментация реальности, вызванная стремительным развитием в динамично приходящем и уходящем мире, рассеивает смыслы и значения информации, превращая ее в белый шум для обывателей, вызывая у них чувство «непрозрачности» мира.

Применительно к теме мультикультурализма, последствия глобализационных процессов размывают культурные идентичности. В результате чего в рамках национальных государств появляются множество гетерогенных культур. Вследствие чего деактуализация надличностных принципов и постепенная утрата «цивилизационных кодов» являющихся основанием цивилизаций Хантингтона [48, с. 46–73].

Как замечает представитель франкфуртской школы Юрген Хабермас, «протестантская этика» как основа ставшая двигателем капитализма стала нечем иным как мифом, так как: «религиозные установки, которые с возникновением

протестантизма были... интернализированы и приватизированы, вновь субъективистски разрушаются» [47, с. 135].

Возрастание социальной саморефлексии становится причиной роста влияния роли субъекта на развитие социума (особенно в интересующем нас сфере культуры). Как замечает социолог Гидденс, развитие социума все больше определяется фактором субъекта и тех непосредственных решений, которые он принимает – «многие аспекты жизни, которые прежними поколениями принимались... само собой разумеющиеся, связаны с необходимостью открытого принятия решения» [11, с. 585].

Традиционные общества с гомогенной культурой подверглись разрушению в XX веке превратились в западном мире в многосоставные культурные сообщества породив проблему межкультурного общения и актуализовав вопрос налаживания диалога культур.

Все выше сказанное, справедливо в отношении влияния глобальных интеграционных процессов на объективный процесс мультикультуризации современных нам стран по всему миру.

Однако следует оговориться, что современные теоретические модели мультикультуриализма применяемые в странах Запада не являются панацеей от негативных явлений стремительно изменяющегося мира. В этой связи становится актуальным анализ и выводы немецкого социолога Ульриха Бека изложенные в работе – «Власть и оппоненты в эпоху глобализма». По мысли автора межкультурный диалог в мультикультурных обществах может развиваться по множеству сценариев. Среди прочего, один из худших сценариев мультикультуризации может стать отнюдь не рост «уважения к культурной инаковости», а все обернется ростом ксенофобии и нацизма, каковые будут иметь особую культурную направленность [2, с. 103]. Так же по мысли немецкого социолога, основной причиной враждебности к инокультурным людям является отсутствие в западной культуре консолидирующих людей надындивидуальных идентификаций (идейных или религиозных) [2, с. 67].

Исходя из выше сказанного, политика мультикультурализма является объективным следствием процесса глобализации, с каковым фактом приходится считаться. Однако, кроме фактора распространения глобальных интеграционных процессов, существуют еще объективные факторы, о которых ниже мы распространимся подробно.

Экономический фактор мультикультурализации.

Эпоха Нового времени является точкой отсчета вертикального роста международной торговли и последовавшей за ней запуском процесса глобализации мировой экономики. С тех пор и до сего дня, глобализация экономики только нарастала и вылилась в появление феномена транснациональных компаний, которые, не фиксируют свою деятельность к какому либо государству и распределяют свои активы и производственные мощности по всему миру.

Большинство современных ТНК являются самостоятельными субъектами и геополитическими факторами в стремительно глобализирующемся мире, с чьими интересами приходится считаться акторам международных отношений.

Ульрих Бек замечает, что формальная регистрация ТНК в какой либо стране, на деле не имеет никакого значения, так как эти компании имеют высокую мобильность и зачастую интернациональный состав в своем руководстве [2, с. 187].

В результате деятельности ТНК выраженной в консолидации национальных трудовых ресурсов и международного капитала, многие сотрудники этих компаний вынуждены постоянно перемещаться по миру, тем самым внося существенные изменения в рынок труда по всей планете.

Переформатированный деятельностью Транснациональных компаний, новый экономический порядок объективно чувствует внутри себя необходимость формирования мирового рынка труда, как логического продолжения в результате создания мирового рынка товаров и услуг. Это в свою очередь вызовет свободное перемещение по всему миру нового класса мирового пролетариата.

Этот новый класс рабочих вызовет по всему миру процесс мировой мультикультуризации, так как прибывающие на работу работники ТНК будут носителями разных культур со всего мира и гарантированно, что они будут отличаться от коренных жителей тех местностей, куда они придут.

Американский консерватор Патрик Бьюкенен в одной из своих работ подтверждает наши подозрения: «По сведениям «Уолл-Стрит Джорнел», 400 высокотехнологических компаний и 150 торговых ассоциаций «призывают к... ослаблению иммиграционного законодательства для обеспечения потребности в рабочих руках» [5, с. 201].

Иммиграционный фактор мультикультурализации.

Основная причина традиционной миграции на протяжении всей истории этого феномена была попытка мигранта улучшить свое экономическое положение путем переезда в более обеспеченную страну. Экономический мотив миграции остается и по сей день актуальным, поскольку миграция остается зачастую единственной возможностью избежать бедности [11, с. 71].

Как замечает социолог Ульрих Бек, рост экономической глобализации соотносится с ростом экономического неравенства, так называемой оси глобального Севера и Юга. В период с 1960 по 2000 уровень мирового дохода одной пятой населения мира вырос с 70 % до 90 %, в то время как одна пятая части беднейшего населения уменьшилась с 2.3 % до 1%. Результатом этой закономерности стал факт, того, что 20% населения планеты Земля живет менее чем на 1 доллар в день [2, с. 50].

Американский философ Френсис Фукуяма в своей знаменитой работе «Конец истории и последний человек» объясняет процесс роста миграции, тем, что современная западная экономика испытывает дефицит низкоквалифицированных трудовых ресурсов. По мнению Фукуямы: «Экономическая конкуренция на едином глобальном рынке поощрит дальнейшую интеграцию региональных рынков труда, как ранний капитализм выпестовал рост единого национального

государства ради более высокой степени мобильности рабочей силы внутри страны» [46, с. 419].

Социальный фактор мультикультурализации.

В современном обществе запада четко прослеживается вектор на рационализацию межличностного взаимодействия. Согласно современной модели внутрисоциального взаимодействия потребителя интересует лишь качество покупаемого товара или услуги, производителя волнует исключительно вопрос успешности продвижения товара на рынке, управленца беспокоит только эффективность работы подчиненных [47, с. 138].

Эти социальные отношения блестяще описывает Карл Ясперс в своей работе «Призрак толпы»: «от людей ждут не рассуждений, а знаний, не размышлений о смысле, а умелых действий, не чувств, а объективности... Последовательно излагаемые ценностные соображения (то есть результаты влияния культурного содержания сознания), воспринимаемые как материал полученного в прошлом образования, не считаются достойными внимания» [52, с. 38–39].

То, что в современном западном обществе мыслится как условие эффективного функционирования социально-экономических сетей, в традиционном обществе воспринималось бы как нарушение традиционной этики и религиозной морали.

По мнению философа Бодрийяра, социальный субъект в современном западном обществе перестал быть причастным, в высшем понимании, к истории, культуре и смыслу. А если какие-то ценности еще остались у современного западного человека, то они фрагментарны и поверхностны [52, с. 189].

Появление в странах принимающих мигрантов культурных центров, библиотек, религиозных центров, этнокультурных праздников объясняется желанием мигрантов сохранить свою этническую идентификацию и не растворится в коренном этносе и секулярной антитрадиционной культуре запада лишенной смысла в высшем его понимании.

Отдельно следует выделить социально-экономическую борьбу как фактор сохранения собственной идентичности, которая помогает мигрантам маркировать «свои» и «чужих», по одежде, языку, религии и так далее.

Культурный фактор мультикультурализации.

Этнокультурная консолидация и мультикультуризация дополнилась унификацией культуры. Сегодня сложно не придать значение процессу унификации культуры в западном мире. Общие функциональные черты уже приобрели большинство общественно значимых элементов инфраструктуры. Как отмечает социолог Гидденс: «Планировка (современной) больницы вряд ли будет делаться исходя из традиционных архитектурных пристрастий, скорее основным соображением станет способность предложенного проекта здания наиболее полно отвечать требованиям к содержанию и лечению пациентов» [11, с. 52].

Унификация культуры распространяется не только на архитектурные элементы культуры, но в том числе и на сегмент товарообмена выраженного как в унифицированной пище, одежде одинаковых марок, музыке выродившейся в поп-индустрию, синема-продукцию представленную в общемировых блокбастеров Голливуда и так далее.

В своем единстве и борьбе противоположностей культурная унификация несмотря на все свои минусы, способствует росту культурного разнообразия, и следовательно, приумножает процесс мультикультурации.

Несмотря на очевидный тренд унификации прослеживается так же тенденция роста культурной гетерогенности, которая растет за счет все большей интенсификации межкультурных контактов. В результате этих контактов государственные границы свободно преодолевают все большие потоки распространения идей, достижений науки и техники, а так же все возможной информации посредством интернета и телефонной коммуникации.

Традиционное общество так же как и современное западное было мультикультурным, в нем так же присутствовали диссиденты, люди нарушающие нормативы общества, совершающие поступки неодобряемые большинством.

Однако в традиционном обществе их роль всегда была маргинальной, они были исключительным преследуемым меньшинством, а в современном западном обществе социальное пространство диссидентов гораздо больше. Они создают большое количество субкультур, вследствие широкого и свободного распространения разных культур и разных идей и ценностей, пространство свободы диссидентов увеличивается [6, с. 214].

Российский исследователь Сергеева, сравнивая культурное состояние западного общества с традиционным типом сообществ делает вывод, что его следует считать как состояние массовой культурной маргинализации. Так как большая часть членов современного западного общества колеблется между постоянно сменяющимся выбором самоидентификации так до конца и, не делая окончательный выбор. Поэтому западный человек пребывает в вечном пограничном состоянии «межкультурья». «Роль культуры состоит в том, что она дает человеку основные понятия и базовые принципы, с которыми он сопоставляет свое восприятие внешнего мира. «Традиционной культуры понятийный аппарат и операционная культура познавательной деятельности обладают почти «геометрической правильностью»

Культура же современного человека - «мозаична»... Человек современного общества погружается в поток разрозненных, иерархически неупорядоченных сообщений... Так мозаичный «образ мира», свойственный современному человеку уничтожает иерархически упорядоченный «образ мира» человека традиционного общества» [37, с. 111].

Западная политическая культура только усугубляет выше описанную проблему. Так, по мнению Юргена Хабермаса – «либеральный габитус о том, «что считать истинным»» [47] предполагает существование перманентной концептуальной гетеродоксии. Догматических нормативных смыслов не существует. Социально-политические антагонисты противостоят друг – другу преследуя право признания «истинной» своего категорического императива.

Точкой отсчета критического дискурса «радикальных мультикультуралистов» в отношении запада является связь колонизаторской политики Европы и культуры модерна. Однако это положение заслуживает объективной критики, так как политика культурной ассимиляции и порабощения велась человечеством на всех континентах и во все времена, следовательно, увязывать эту варварскую практику исключительно с европейской культурой модерна, по меньшей мере, является некорректным.

Другим тяжелым обвинением «радикальных мультикультуралистов» в адрес европейской культуры модерна является тезис о проявлении культурного расизма и уничтожения путем ассимиляции туземных культур. Однако это не вполне является виной европейских колонизаторов. Так как даже в случаи отсутствия того влияния, которое оказали на туземцев европейцы, процесс диффузии и взаимного влияния отдельных этнических культур на другие перманентен, и следовательно, вероятность того, что туземные культуры остались бы не тронутыми, сохранив свою аутентичную туземную культуру, крайне мала.

Как справедливо замечает американский культуролог Альфред Кребер – «Столкновение культур происходит всегда, и в результате культура рано или поздно исчезнет под влиянием процессов вытеснения, или культурной гибридизации... Культура, которой удастся выжить в конкуренции с другими, по существу является более жизнеспособной, благодаря чему мы и считаем ее высшей, хотя при различных обстоятельствах качества, сообщающие ей превосходство, бывают самими разными» [16, с. 483].

«Чужеродные» культурные единицы могут совершенно добровольно перениматься, а не обязательно навязываться этнической общине извне. Это может происходить как из некой конъюнктуры момента, или каких либо индивидуальных или общественных выгод, но могут быть и другие каузальности носящие добровольный характер.

Российский культуролог Бронислав Малиновский делал замечание, что культура не являет собой некой гармоничной целостности и вследствие чего,

влияние которое на нее оказывают различные акторы по своим результатам дают противоположный опыт. Так влияние на африканские племена христианских миссионеров дает полностью иное воздействие в сравнении с западноевропейским экономическим фактором [22, с. 379].

Следующая грубая ошибочность «радикального мультикультурализма» заключается в огульном шельмовании западной культуры модерна и в противовес позитивному отношению к традиционным культурам. Однако справедливое замечание негативных элементов западной культуры модерна не дает право «радикальным мультикультуралистам» делать глобальные обобщения и представлять западную культуру как исключительное зло, которым стоит бороться. Это уход от научного подхода и скатывание в религиозную мистику.

Гораздо большую критику вызывают «умеренные» версии мультикультурализма «мягкая» и «жесткие» типологии, однако в настоящем месте мы не будем распространяться по этому вопросу, так как этому мы уделили внимание внутри первого параграфа подробно рассмотрев все теоретические составляющие этих продуктов современной западноевропейской мысли.

В наиболее общем виде следует заключить, что процесс мультикультуризации современного западного мира развивается по имманентным причинам социокультурной сферы этих государств, так и внешними факторами.

Важнейший фактор внешней миграции в страны Европейского союза детерминируется кумулятивным эффектом от экономических и демографических каузальностей. Прибывая в новое социальное пространство мигранты привносят свою культуру и на базе ее создают свои сообщества, следствием чего становится интенсификация диалога культур. Так запускается действие объективного процесса мультикультуризации.

Свободы слова и мнений, почти полное отсутствие запретов на информацию в современном западном обществе либеральной демократии порождает ситуацию, когда новые культурные идеалы и идеи, способствуют процессу размывания культурной монолитности. В результате чего возникает культурная

гетерогенность как некий результат перехода от традиционных структур общества к обществу победившего модерна. Западное общество состоит из огромного спектра субкультур и культур меньшинств с различными ценностными ориентациями от религиозного фундаментализма до полного нигилизма.

Важно выделить так же еще одну закономерность, согласно которой происходит стремительная гибридизация культурной самоидентификации современных граждан Европы. Традиционные нормативы перестали быть устойчивыми и размылись, перейдя в законченную фазу флуктуации. Так возникают причудливые на первый взгляд несовместимые наборы идентификаций – «православный коммунист», «гей-консерватор», «исламский феминист» и так далее.

Как справедливо замечает Юрген Хабермас – в сознании современного европейца больше нет единства, оно приобретает гетерогенный характер. Следствием чего становятся «когнитивные диссонансы» современной культуры [47, с. 135]. Поистине, социокультурные основания западного мультикультурализма, кажущиеся нам как нечто логическое, имеющие свои основания в философском базисе западноевропейской философии, на деле возможно есть нечто иное как патология сознания затронувшее разум миллионов.

Таким образом, мы видим, что культурное разнообразие характерно для большинства современных обществ. Однако когда в одном и том же обществе сосуществуют люди с разными культурными традициями, необходимо решить ряд проблем, чтобы гарантировать четкие и удобные правила для «общезития». Многие люди высказывают мнение о том, что правильно, а что неправильно, хорошо и плохо, и поэтому не готовы легко менять свое поведение и образ мышления. Различные факторы, которые присутствуют в каждом мультиэтничном обществе по-своему воздействуют на культуру и жизнь этого общества.

Мультикультурализм – это идея общества, основанного на открытости и многообразии. Мультикультурализм - это сложная и многоплановая концепция,

которая находит свое выражение в реальной социальной и культурной политике государства, которая может преодолеть различные этнические, конфессиональные и культурные барьеры и создать общество без межкультурных противоречий. Мультикультурализм как политический инструмент – это не только реакция на этническое разнообразие, но и способ сдерживать это разнообразие. Это приводит к определенному парадоксу

2 РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА СТРАНЫ ЕС

2.1 Мультикультурализм в политике ведущих стран ЕС

История массовой миграции в Германию начинается после Второй мировой войны. Экономический подъем и последующий бум производства в Западной Германии превысил даже самые смелые прогнозы. В целях ликвидации нехватки рабочей силы, правительство обратилось к традиционной для Германии модели найма и временного привлечения иностранных работников. Первое «Соглашение о найме и трудоустройстве мигрантов» было заключено с Италией в 1955 году, вскоре контракты последовали с Грецией и Испанией (1960), Турцией (1961), Марокко (1963), Португалией (1964), Тунисом (1965) и Югославией (1968). Экономические и политические деятели, а также население в целом, предполагали, что приезжие рабочие, поработав определенное время и поднакопив некую сумму, вернуться к себе на родину. На основании этого предположения, они и не думали, что необходимо разрабатывать какие-либо социально-политические или инфраструктурные концепции для учета долгосрочной резиденции.

Таким образом, правительство не придавало важного значения социальной интеграции иностранцев. Как следствие, после 1959 года иностранное население в Германии резко возрастает и уже к 1964 году в стране фиксируется приход миллионного «гастарбайтера». Первоначально иностранные рабочие были заняты в основном в качестве неквалифицированных или малоквалифицированных рабочих. Они заняли малопривлекательные места для местных немцев. Хотя иностранные рабочие официально считались равными их немецким коллегам, отсутствие подготовки, непризнание иностранных сертификатов и незнание языка спустило их до самых низких тарифных разрядов.

Экономические кризисы 1966–1967 годов усугубили напряженность вокруг вербовки иностранных рабочих. Западные немцы, привыкшие к устойчивому росту экономики в послевоенные годы стали проявлять недовольство

присутствием в стране дешевой иностранной рабочей силы. Этот первый послевоенный спад был тяжелым ударом по самолюбию «республики экономического чуда». В области политики на рынке труда этот спад вызвал горячие и критических дебаты о целесообразности привлечения иностранных работников. Запрет набора иностранных рабочих, изложенный в директиве от 23 ноября 1973 года, ознаменовал конец эпохи привлечение иностранной рабочей силы в ФРГ. Запрет полностью перекрыл въезд в страну «гастарбайтеров» из государств, не являвшихся членами Европейского экономического сообщества (ЕЭС).

Но на самом деле, нефтяной кризис просто оказался удобным моментом для попытки уменьшения иностранного населения. Опасаясь, что они не смогут вернуться на работу в Германию еще раз, многие иностранные рабочие решили не покидать страну вообще. Это изменило планы многих «гастарбайтеров» из предполагаемого краткосрочного пребывания в постоянное место жительства. Через право на воссоединение семьи, многие иностранные рабочие устроили последующую иммиграцию членов своих семей в Германию. В 1980-е годы иммиграционные цифры оставались достаточно скромными, но в начале 1990-х годов цифры снова быстро выросли, зачастую опережая самые высокие темпы со времен первого въезда в страну «гастарбайтеров».

Обширные геополитические изменения той эпохи привели к увеличению числа мигрантов, лиц, ищущих убежища, и этнических немцев, возвращающихся из бывших немецких поселений в Восточной Европе. В частности, распад Советского Союза, войны в бывшей Югославии и кризис в области прав человека в курдском регионе Турции стимулировал приток населения. К этому времени, выросла доля иностранного населения, рожденного в Германии, так называемого, второго поколения. В отличие от США и других стран, этим детям не было предоставлено немецкое гражданство при рождении, и они рассматривались как иностранцы в юридическом смысле.

В 1983 году правительство Германии приняло закон, целью которого была стимуляция процесса возвращения домой иностранных рабочих. В связи с этим, каждый человек, возвращающийся к себе на родину, получил, так называемую, репатриацию (денежную компенсацию) для себя и для своей семьи. В результате около 150 000 иностранных рабочих покинули Германию вместе со своими семьями. Но по иронии судьбы большая часть из них были европейцы. В 2011 году число иностранцев достигло 6930000 человек, а количество людей «с иммиграционным фоном» в 2010 году было 15 700 000, что означает, что почти каждый пятый человек, живущий в Германии, имеет некоторые иностранные корни (турецкие, итальянские, польские), и принадлежат к крупнейшим иммиграционным группам. Еще одна волна иммигрантов была среди лиц, ищущих убежища, и военные беженцы.

Согласно Конституции Германии, каждый человек, преследуемый по политическим мотивам, имеет право на убежище. На основании этого положения, тысячи заявителей, получили право убежища. С 1953 года ежегодные показатели в значительной степени зависят от политической ситуации других стран. Таким образом, максимальное число предоставления убежища пришлось в ходе югославских войн: в 1992 году и более чем 700 000 человек подали заявки с просьбой остаться в Германии, как беженцы. В 2011 году было 53 347 просьбы о предоставлении убежища, из которых 22,3 % были приняты. В настоящее время более 34 000 лиц ищут убежища в Германии. В первую десятку стран происхождения среди беженцев в 2012 году (до 31.08.2012) вошли Афганистан (14,4 %), Ирак (10,6 %) и Сирия (8,9 %). Еще одна особая группа мигрантов – этнические немцы стран Восточного блока, таких как Польша, Чехословакия, Югославия и Венгрия. Они начали мигрировать сразу после Второй Мировой войны, как следствие вынужденного переселения немецкого населения к западной стороне линии Одер-Нейсе. За период с 1945 по 1950 годы примерно 12 000 000 этнических немцев эмигрировала в ФРГ из ГДР и Австрии. С 1950 года социалистические страны ограничили эмиграцию в трансграничной зоне.

Падение железного занавеса привело к «массовому возвращению домой», которое достигло своего пика в 1990 году– 397 000. Затем количество иммигрантов резко сокращается. Это было связано с законом, введенного правительством Германии, который ограничивал иммиграцию этнических немцев. Закон требовал от иммигрантов доказать свои немецкие корни, заполнив 50-страничную форму, также был введен обязательный тест на знание немецкого языка. Таким образом, в 1991 году количество мигрантов сократилось до 240 000 человек.

Следует отметить, что это речь идет, в большей степени, не только о этнических немцах, но и о членах их семей, которые не всегда являлись таковыми, но, тем не менее, имели право на получение немецкого гражданства. В данной группе также наблюдались свои трудности интеграции. Подавляющее большинство – выходцы из Советского Союза– зачастую плохо говорившие на немецком языке, воспитанные в традициях советской системы. Для многих из них, покинувших свою страну, это означало бы повторение стигматизации: в Советском Союзе они были стигматизированы как «немцы» или даже как «фашисты», в то время как в Германии они воспринимались как «русские». Причиной этого является социальное определение немцев. По данным исследования, представленного на 47-й съезде Немецкого общества психологии, 96,6% коренных немцев считают, что немца в первую очередь определяет состояние владения немецкого языка. В отличие от ранних групп мигрантов, лишь немногие из мигрантов этнических немцев поздней волны имели достаточные навыки владения языком. Кроме того, они часто были не достаточно квалифицированы, чтобы повысить свои шансы на рынке труда. Тем не менее, правительство Германии, в целом, рассматривает как позитивный факт миграцию более 2 миллионов этнических немцев из стран бывшего Восточного блока с 1989 года.

Разнообразные программы и интеграционные курсы, предлагаемые как государственными, так и социальными институтами, таких как церкви и

различные фонды, сыграли жизненно важную роль в этом процессе. До недавнего времени, в основе получения германского гражданства лежал факт происхождения, а не место рождения. Таким образом, русские немцы, которые жили за пределами страны в течение более двух веков, и все этнические немцы из Восточной Европы были расценены как немецкие граждане, и на основании этого им было предоставлено гражданство. Но дети турецких «гастарбайтеров» оставались гражданами Турции, так как они должны были оставаться в стране только на временной основе. В официальном заявлении от 1982 года, канцлер Г. Коль определяет интеграцию как «место в немецком обществе без конфликтов и без доступа к праву гражданства».

Со временем немецкие политики осознали, что Германия постепенно превращается в страну мигрантов. Назрела необходимость в создании правовых механизмов, обеспечивающих полную ассимиляцию и натурализацию тех, кто хочет постоянно находиться в Германии. Наконец, после долгих дебатов, был принят новый закон о гражданстве, изменивший положение дел по этому вопросу. Отныне детей иностранцев, которые прожили, по крайней мере, восемь лет в стране, родились в Германии, становились автоматически гражданами страны. Кроме того, минимальный промежуток времени для иностранца, после которого он может претендовать на получение гражданства был сокращен с 15 лет до 8 лет; также необходимо пройти тест на знание языка, истории и т.д.

Таким образом, Германия выступает сегодня как одно из самых либеральных государств в Европе в отношении получения гражданства для иностранных соискателей. В Германии, феномен мультикультурализма часто отождествляют с интеграцией. Юридически каждый иммигрант обязан интегрироваться в немецкое общество. Можно сказать, что успешный мультикультурализм в «немецком смысле» равен интеграции – это долгосрочный процесс, который направлен включение всех членов общества, живущих в Германии на постоянной и правовой основе. Поскольку образование является решающим фактором успеха на рынке

труда и также показателем уровня интеграции, встала необходимость создания доступности его для иммигрантов.

Результаты исследования, представленные в «Economic Journal», показывают, что иммигранты первого поколения в Германии имеют значительно более низкий уровень образования, чем среди местного населения. Иностраный школьник заканчивает школу с гораздо более низкой квалификацией. Однако, иммигранты из Центральной и Восточной Европы и других стран Евросоюза, как правило, имеют высокую квалификацию. Претендуя на религиозное равенство, многие мусульмане стали требовать введения в школьную программу курса основ ислама, ссылаясь на подобную практику религиозных уроков для католиков и протестантов. В результате, в школьные программы федеральных земель Северной Рейн – Вестфалии и нижней Саксонии был введен курс изучения ислама. Майкл Кифер, автор истории преподавания ислама в немецких классах, расценивает подобные изменения как блага: «Мусульмане могут видеть, что они реализуют свои религиозные права. Это имеет чрезвычайно позитивное символическое влияние на них». Считается также, что лучше предоставить мусульманам религиозное образование в государственных школах, чем оставить это процесс без государственного контроля. Схожую точку зрения имеет и учитель в государственной школе Глюкхауф в Эссене, преподающий исламоведение на немецком языке, считающий, что такие классы полезны для детей иммигрантов для облегчения интеграции немецких и мусульманских идентичностей.

Экономическая интеграция мигрантов также выглядит весьма удручающе. Иммигранты в Германии зарабатывают значительно меньше, чем местные жители. Выходцы из стран Евросоюза, имеющие более высокую квалификацию и более высокие заработки, чем другие иностранцы, являются, скорее, исключением. В случае с выходцами из Центральной и Восточной Европы наблюдается тенденция снижения средней заработной платы и во втором поколении. Кроме того, иммигранты в Германии значительно чаще безработные,

чем немцы. По данным Института экономических исследований уровень безработицы среди населения с миграционным фоном был почти вдвое выше, чем среди коренных немцев.

По данным федерального агентства по занятости за март 2012 года уровень безработицы среди иностранцев составляет 15%, в то время как для всего населения это только 6,5%. Большинство из них, это турки – более 30%. Исследования расселения турецких мигрантов в Германии показывают, что большая часть расположена в промышленных регионах, таких как Север – Рейнская область, Вестфалия и Вуртенберг, а также в рабочих кварталах Кельна, Дюссельдорфа, Мюнхена, Штутгарда и Берлина. Северный Нойкельн – район в Берлине с высокой долей мигрантов, составляющий примерно 65%, может стать примером анклава параллельного общества. Нойкельн часто называют «Маленький Стамбул». Мигранты этого района живут, как бы, в параллельном обществе, сохраняя свои обычаи, традиции, многие местные жители не говорят на немецком языке, и даже не пытаются его учить. Несмотря на то, что термин «параллельное общество» часто используется, социологи все же не согласны, что данный термин может быть вполне оправдан в случае иммигрантских анклавов в Германии.

Термин «параллельное общество» был введен в научный обиход немецким социологом Вильгельмом Хайтмайером в 1996 году для описания добровольно созданных иммигрантских общин, которые не желают интегрироваться, что проявляется в нежелание учить немецкий язык, создание свои собственных культурных учреждений: собственные издательские компании, школы, церкви, рабочие места, магазины и т.д. Данный термин часто имеет негативный подтекст и подразумевает демонстративное нежелание интегрироваться в немецкую культуру. В целях повышения эффективности процесса интеграции мигрантов германским правительством был разработан, так называемый, «Контракт Интеграции», направленный на обеспечение культурного единства между коренным немецким населением и приезжими. Каждый, кто хочет поселиться в

Германии, обязан подписать договор о своих правах и обязанностях. Каждый желающий получить гражданство, должен изучать немецкий язык, знать основы Конституции, принять ценности немецкого общества. Федеральный уполномоченный по вопросам миграции, беженцев и интеграции Мария Бемер поясняет, что под немецкими ценностями подразумевается «свобода слова и вероисповедания, равные права для женщин, принятие гомосексуализма». С 2011 года «Контракт интеграции» находится в стадии испытания. Однако, несмотря на все старания мигрантов, похоже, что стать полноправными членами немецкого общества им все же не удастся, так как, по мнению некоторых исследователей, выходцы из других этнических групп, сколько бы они не проживали на территории Германии, «немцами» не считаются.

Германия, официально поддерживая иммигрантов, рассматривает их, во-первых, как один из факторов, стимулирующих национальную экономику, а, во-вторых, как часть стратегии смягчения старения населения. Кроме того, эта политика находится в соответствии с европейскими нормами права. В связи с вышеизложенным и, несмотря на широко распространенное мнение о том, что «Германия не страна иммиграции», Германия стала мультикультурным обществом. Приток этнических немцев из Восточной Европы и бывшего Советского Союза, «гастарбайтеров» и их семей, лиц, беженцев привел к тому, что почти 12 % населения в Германии в настоящее время не является этническими немцами. Это число растет из года в год, что заставляет коренных граждан пересмотреть влияние мигрантов на немецкое общество.

Характеризуя особенности мультикультурализма в Германии можно выделить следующие его признаки:

- долгое время в стране имело место ошибочное мнение о том, что «гастарбайтеры» в конечном итоге вернутся в свои родные страны; в соответствии с этим никаких усилий для их интеграции в общество не предпринималось. Подобное мнение в немецком обществе стало одной из причин формирования этнических анклавов, где гастарбайтеры стали воспроизводить

культурную идентичность своей родины, а сами немцы не спешили проявлять интерес к культуре приезжих;

- после падения Третьего Рейха немцы были больше заняты определением собственной национальной идентичности, а не проблемами интеграции мигрантов;

- щедрые пособия, выплачиваемые германским правительством, привели к формированию иждивенческих настроений у большой массы мигрантов. Жизнь на пособия в богатой Германии часто была более заманчивой, чем перспектива тяжелого физического труда за меньшие деньги у себя на родине;

- на ранних этапах миграции правительство, главным образом, нуждавшееся в дешевой рабочей силе, не интересовалось квалификацией приезжих, в результате в стране сформировались большие группы малообразованных людей.

По мнению российского исследователя Куропятника А.И. «этническое понимание государственной нации немцев не допускает мысли о том, что национальная общность может быть открыта для иммиграции. Кроме того, в государственной идеологии отчетливо дифференцируются «своя» и «чужая» культура». Необходимо рассматривать мигрантов не только как представителей «чужой» культуры, а как людей, которые хотят стать частью немецкого общества. Германия проделала долгий путь в развитии теории и практики мультикультурализма. Развитие политики мультикультурализма в Германии связано с потребностями социально-экономического развития страны. Процессы мультикультурализма и интеграции были многонаправленными. С одной стороны, в Германии проживало несколько миллионов человек из Турции, которые с большим трудом были интегрированы в немецкое общество. С другой стороны, в 90-е годы XX века в Германию прибыли более двух миллионов человек из бывшего СССР. Это было результатом политики возвращения соотечественников и содействия еврейской иммиграции, иммигранты из бывшего СССР быстро интегрировались в немецкое общество.

Ситуация с иммигрантами и их потомками во Франции гораздо более противоречива, чем, например, в Германии. Это объясняется не столько значительным количественным присутствием иммигрантов, сколько тем, что их насчитывается около 5 миллионов человек с населением 63 миллиона человек, но с качественными характеристиками иммиграции.

В последние годы во Франции нет «нулевой» иммиграции, но она очень ограничена. Это было связано с ощутимым ужесточением иммиграционной политики, в частности с законом от 24 июля 2006 года и последующими добавлениями к нему. Существует так называемая «избирательная» или выборочная иммиграция. С 2008 года она была введена система квот, разработанная Министерством экономики, финансов и занятости Франции, по требованию специальностей для иммигрантов из стран, не являющихся членами Европейского союза (профессий, требующих высокой квалификации инженерно-технического персонала, программисты и т. д.) и для иммигрантов из стран, которые недавно присоединились к ЕС – 152 специальности (технический и обслуживающий персонал).

Важно отметить, что осуществление «выборочной» иммиграционной политики началось после получения соглашения от профсоюзов и работодателей. Сегодня проблема такова. Как известный демограф Франсуа Эран (директор Института демографии, Париж) считает, иммиграция во Францию не столько массовый характер, так как она является результатом длительного процесса, который в течение нескольких поколений уже был из-за смешанных браков и, добавит, на воссоединение семьи, один (в два раза выше) скорость высоких рождаемости среди женщин афро-азиатского происхождения, сущность французского общества в основном изменились коренным образом.

В отличие от своих соседей, Франция является одним из старейших иммиграционных государств. Он принимает иммигрантов с середины девятнадцатого века, почти непрерывно. Уже в 1975 году известный французский экономист Жорж Тапино развеял иллюзию, что трудовая миграция не приведет к

семейной миграции. Можно согласиться с Саркози, который считает, что под влиянием иммиграции имманентные характеристики французского народа, ценности, теряются. В частности, их участие в развитии во Франции в ноябре 2009 – январь 2010 года дебаты о национальной идентичности и ее актуальность объясняются следующим образом: «Проблема национальной идентичности касается всех нас ... Что происходит в промышленности, сельском хозяйстве, сельской местности, среди ремесленников, а не мешанина сообществ и частных лиц ... страна терпимости и уважения, но требует уважения к себе...».

Если бы первое и частично второе поколение иммигрантов в Европе, и в частности во Франции, были легко ассимилированы, тогда идея интеграции не стала доминирующей для нового поколения иммигрантов. С 1990-х годов иммиграция, которая ранее считалась возможностью для экономического развития государства, была одной из самых серьезных национальных проблем. Это и приток иммигрантов сегодня и сложности и неудачных попыток интегрировать молодое поколение иммигрантов, детей и подростков, несмотря на то, что Франция является государством с одним из самых эффективных моделей гражданской ассимиляции.

Многие социологи называют политику «сосуществования» проблемой для настоящего и будущего Франции, одной из десяти основных проблем, которые испытывает страна.

Функция «интеграции» республиканской модели терпит неудачу, социальное сочетание людей из разных культур было успешным, если их культуры и привычки были схожими. Первые волны иммиграции были в основном иммигрантами, цивилизационно принадлежащими к европейской культуре. Последние происходят из регионов с другой культурной и религиозной идентичностью. Во Франции, где было много людей из афро-азиатских стран, с 1960-х годов (после развала колониальных империй) пропорции их представительства в последних миграционных потоках значительно изменились. По данным переписи, в стране число иммигрантов за последние двадцать лет

увеличилось на 4,1 миллиона человек. (6,8% от общей численности населения страны) в 1990 году до 4,5 млн. Человек. (7,1%) в 2004 году. В то же время доля взрослых иммигрантов из Африки увеличилась на 20%, что составляет 42% от всех иммигрантов. Если из стран Магриба в этот период во Францию переместилось около 1,4 миллиона человек, то из стран к югу от Сахары - 500 тысяч. Иммиграция из Азии (особенно из Турции и Китая) увеличилась на 27% и достигла 630 тысяч человек. В то же время доля взрослых иммигрантов из стран ЕС сократилась с 42% до 37%. С 1954 по 1990 год число иностранцев увеличилось более чем в два раза - с 1,7 до 3,6 миллиона человек [73, с. 198–199].

Среди иммигрантов, получивших французское гражданство в 1990-х годах, половина приходилась на жителей Магриба и значительную долю: турок и азиатов. Одновременно с заметным уменьшением (более чем в два раза) европейцев, получивших французское гражданство за тот же период, с 84% до 41,3%, число африканцев увеличилось в 3,5 раза: с 13,5% до 46,3% , почти в 6 раз: с 2,5% до 11,8%[73, с. 198]. Ислам, который практикуется в основном современными иммигрантами и его третьим поколением, вступает в конфликт с христианскими религиями, а в случае Франции не только с католицизмом, но и с светской растущей идеологией, с секуляризмом, важный компонент французской национальной идентичности. В католической Франции число атеистов растет. Республиканский секуляризм: государственная политика отделения религии от государства широко разделяется простым народом Франции. Согласно опросу, проведенному Le Parisien в ноябре 2009 года, 60% респондентов, половина из которых являются сторонниками левых партий, называют секуляризм одним из важнейших элементов национальной идентичности. Французы видят равенство веры в отсутствии внешних признаков религиозной принадлежности, а не в их демонстрации. Этот подход заметно отличается от многих других стран, где политическая корректность интерпретируется как обнадеживающая разница.

Сегодня мы говорим о сосуществовании христианской, атеистической и исламской культур, которые значительно различаются, в результате чего

«недопонимание и коммунизм растет». Одной из основных проблем, вызывающих недовольство принимающих обществ, является нежелание иммигрантов и их детей интегрироваться в страну проживания в дополнение к наложению своего кодекса поведения и религиозных и культурных ценностей на коренного населения. Это особенно характерно для мусульман. Идея его интеграции в европейскую цивилизацию не стала доминирующей среди мусульман. Напротив, в отличие от прошлых лет, как выяснили восточные ученые, все больше и больше мусульманских иммигрантов и их потомки отказываются интегрироваться в европейское общество в принципе и демонстрируют растущую религиозную нетерпимость. Иммигранты используют религию как форму идеологии, доступную им, в этом религиозном случае, с которой они связывают возможность построения более справедливого общества и который традиционно определяет этику поведения, стереотипы общения, ценностные ориентации в оппозиции для западников с аморальными образцами гедонистской культуры, неприемлемыми для мусульман. Мусульмане не консолидируются на основе ценностей принимающего общества, а на основе ислама.

Как уже упоминалось, основным препятствием на пути интеграции вновь прибывших иммигрантов, мусульман не только во Францию, но и в Европу в целом является их религия: ислам и связанные с ним традиции, которые входят в неразрешимое противоречие со светским характером западных государств. Этот вывод был сделан в начале 2011 года на конгрессе лидеров европейских партий экстремального права, популярность которого в последние годы растет. 70% французов так считают, полагая, что мусульмане не очень хорошо интегрируются в принимающее общество из-за культурных и религиозных различий. В начале 2011 года, согласно опросам, более 40% французов видели угрозу Франции в исламе. Отказ многих коммун построить 20% социального жилья для иммигрантов иммигрантского населения, что компрометирует закон, объясняется страхом перед жителями смешаться с другими социальными группами вне их.

В дополнение к проблемам духовности, «двойной идентичности», представленной иммиграцией, присутствие иммигрантов создает, прежде всего, экономические и социальные трудности, а также угрозу личной и общественной безопасности. Затем, по оценкам экономиста, лауреата Нобелевской премии Мориса Аллая, каждый иммигрант, только потому, что он пользуется преимуществами коллективной инфраструктуры, стоит Франции в размере, равном его зарплате в четыре года, и если он приходит с семьей, тогда равная зарплате 20 лет. Разница между тем, что получают иммигранты, и тем, что они платят в виде налогов и взносов, по их расчетам составляет почти 300 млрд. Франков в свою пользу.

Иммигранты также являются одной из причин безработицы, занимая 2 миллиона рабочих мест. В начале 2000-х годов 72% французов считали, что иммигранты находятся в лучших условиях, чем жители коренного населения, чтобы предоставлять социальные пособия. Вместо своего решения политическая элита, СМИ проводят довольно лицемерную политику печально известной политической корректности, вводят новые табу о социально значимых явлениях, игнорируют реальные цифры в области иммиграции. Растет недоверие, разрыв между политической элитой, средствами массовой информации, либеральной интеллигенцией и консервативной частью общества, так называемым простым французом. По мнению самих французов, ситуация напоминает советские 1970-е годы, когда существовали две идеологии – чиновники – руководства страны, переданные средствами массовой информации и «здравым смыслом» народа, что выражалось в разговорах «на кухне».

Как справедливо замечает известный французский демограф М. Племен: «У нас есть только политически правильное мнение во Франции, и все иммиграционные проблемы в СМИ окрашены в розовый цвет», – говорит известный французский демограф Мишель Племен. Правильно, они также достигают политической корректности. Люди боятся говорить правду, потому что они не знают, что делать с этой истиной. Чувство патриотизма умерло. Мы живем

в музее великого прошлого, и мы стыдимся настоящего, пытаюсь наказать ошибки, сделанные давным-давно, и это состояние ума разрушительно не только для французов, но и для иммигрантов, которые пытаются стать французами. Если французы настолько плохи, то почему иммигранты должны быть похожими на них? Французский, мы слабы, терпимы и боимся всего. Мы не уверены в наших ценностях, но те, кто приходит к нам, доверяют себе.

Интеграция иммигрантов во французское общество также осложняется тем фактом, что она сама распалась. Национальная идентичность французов постепенно заменяется растущим индивидуализмом, стремлением к личному самоутверждению в ущерб национальному единству. Французы стали предпочитать национальную гражданскую принадлежность отношений по принципу «близости». Они объединяются на уровне региона, коммуны, соседства, но не на национальном уровне, а тем более на европейском уровне, где сегодня они часто видят угрозу, а не новые возможности. Коммунизм становится реальностью социальной географии. Города и пригороды разделены на кварталы: мусульмане, евреи, «чернокожие», азиаты, гомосексуалисты. Поэтому отношение к иммигрантам сегодня стало рассматриваться во Франции не столько как ксенофобия, сколько скорее как страх развития этнического и религиозного коммуитаризма. Многие французы отмечают, что акцентуация оригинальности, различия лежат в основе французского менталитета и что когда-нибудь это стремление к независимости по мнению, точки зрения могут привести к полному распаду и краху государства. Идеи сепаратизма стали характерными не только для Корсики, но и для исторических исторически французских регионов, таких как Вандея.

В дополнение к отсутствию четко выраженного стремления к консолидации наблюдается ухудшение ее общего морального положения во французском обществе. В феврале 2006 года $\frac{3}{4}$ французов, или 76%, считали, что Франция находится в состоянии упадка. Среди французов есть мнение, что «прежде чем это было лучше». Для многих беспокойство превращается в настоящую

паранойю. Таким образом, многие французские люди боятся потерять то, что у них есть, они выступают против изменений, реформ в целом. Характерной атмосферой французов является недоверие к институтам власти, СМИ и соседям. Это подкрепляется тем фактом, что становится все труднее «открывать истину» в различных областях. Информация обрабатывается теми, кто имеет к ней доступ или распространяет ее. Поэтому у каждого есть ощущение, что их обманывают с помощью речей, невыполненных обещаний и ложной информации.

Республиканская модель была интегрирована и ассимилирована в течение длительного времени. Он требовал от иностранцев не только подчинения законам Республики, но и норм поведения, общения, принятых во французском обществе, что подразумевало введение в ценности и культуру страны. Например, 95% французских людей в середине 1990-х годов придавали большое значение вежливости, 65% – слову «свобода», 21% – к равенству, 12% – солидарности и 51% к ценностям религии. В то же время многие сейчас рассматривают это как противоречие с принципами индивидуальной свободы, признанием права на различие (в привычках, культуре, религии). Что касается общин иммигрантов, молодых повстанцев с окраины, общественное мнение французов разделено. Некоторые считают, что эти молодые люди – варвары, другие — жертвы республиканской модели интеграции. В то же время существует национальная идентичность, что может объединить французов. Об этом свидетельствуют результаты упомянутых выше национальных дискуссий в 2009–2010 годах. В результате были сделаны пять основных выводов:

- существует национальная идентичность;
- определяется, прежде всего, такими понятиями, как «ценности» и «собственность»;
- меняется со временем;
- имеет тенденцию ослабевать;
- необходимо больше ценить это и видеть важность его сохранения.

Опрос, проведенный TNS SOFRES (Taylor Nelson Sofres) среди французов, показал, что 76% тех, кто участвовал в дискуссии, считают, что существует национальная идентичность Франции, 74% гордятся принадлежностью к французской нации, 93% считают, что принадлежность к французам Французская нация определяется комплексом прав и обязанностей: 91% – общий язык, 86% – общие ценности, 84% – общая история и культура, 82% – различные культуры, 65% считают, что в настоящее время чувство национальной идентичности ослабевает, и поскольку основная причина не называется иммиграцией, а потеря сообщества, 74% из которых видят необходимость и важность ее укрепления. Школа (78%), семья (57%), политическая инициатива (51%) назначаются в качестве основного средства, которое должно способствовать укреплению чувства национальной идентичности. Результаты дебатов во многих аспектах подтверждают стабильность ценностей и убеждений французов, выявленных в их ходе. В значительной степени они совпадают с результатами предварительного опроса, проведенного после выборов 2007 года, по проблемам, связанным с обществом, в соответствии с которыми: 74% положительно восприняли концепцию национальной идентичности как объединяющего французского ценностного общества 51 % считает, что во Франции слишком много иммигрантов, 61%, что «вы больше не чувствуете себя как дома». Только 35% респондентов положительно относятся к исламу, а 24% считают, что глобализация представляет собой возможность для французской экономики и общества[78].

Недоверие к политике властей, ухудшение социально-экономической ситуации в стране после экономического кризиса, негативно влияющее на уровень жизни французов, растущие проблемы интеграции афро-арабского населения, несмотря на то, что в В последние годы многие предпринимают шаги для их решения: иммиграционный закон 2006 года о запрете носить хиджаб в тесте ДНК для ограничения иммиграции посредством воссоединения семьи, в котором в настоящее время они установлены до 73% всех мигрантов в стране,

необходимость подписывать прием и интеграцию ntrakta для всех посетителей во Францию и искать временный вид на жительство и т. д.) приводят к радикализации мнений французов. Популярность идеологии и «крайне правильных» партий, особенно Национального фронта (НФ), растет популярностью, в отличие от других политических сил, которые выступают за ужесточение иммиграционной политики и даже миграцию «ноль». Хотя во Франции есть право голосовать за кандидата в Национальную федерацию, признайте, что это требует смелости и гражданской позиции, учитывая официальное и неодобрение СМИ идеологии НФ, с 1984 года число ее сторонников растет постоянно в последние тридцать лет. В 2005 году, согласно опросам, 61% французов сочувствовали НФ. Только 39% респондентов считают, что их взгляды «неприемлемы». 63% французов были уверены, что во Франции было «слишком много иммигрантов». По этой причине половина респондентов заявили, что они не чувствуют себя «дома» в стране, так как многим респондентам предлагалось дать в полицию еще больше полномочий «посетить приказ Франции», который соответствует требованиям НФ [76].

Очевидная популярность НФ и ее лидера Марин Ле Пен пугает правящую элиту. Об этом свидетельствует горькая агитация, с которой обратились руководители НОАС, в том числе Н. Саркози и Ф. Фийон, чтобы не голосовать за НФ. «Голосуйте за социалистов! Голосуйте за республиканцев!» – сказал премьер-министр Фийон. «Ни Национальный фронт, ни социалисты!» Он обратился к избирателям Саркози [77].

В то же время, степень преемника Жан-Мари Ле Пен, его дочери Марин Ле Пен, растет. Согласно опросу общественного мнения, который оценивает возможности кандидатов в президенты в 2012 году, Марин Ле Пен возглавляет с 23%, опережая несколько возможных кандидатов от социалистов: у них 21% голосов, а нынешний президент Н. Саркози, что также составляет 21%. Подобных обследований в истории Пятой республики не проводилось.

2.2 Проблема кризиса политики мультикультурализма в странах ЕС

В 2010–2011 годах руководители основных европейских держав были вынуждены публично признать несогласованность политики мультикультурализма в регулировании этно-религиозных отношений. Канцлер Германии Ангела Меркель сказала: «Наш подход был мультикультурализмом, в том смысле, что мы будем жить бок о бок и ценить друг друга».

Этот подход потерпел неудачу, полностью не удался.

Вскоре премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон в своем выступлении на 47-й Мюнхенской конференции по безопасности призвал раз и навсегда отказаться от доктрины мультикультурализма, которая способствует «жизни в разобщенных и отдельных этнических сообществах», которые отрицают размещение основных ценностей страны [54].

Президент Франции Николя Саркози согласился с ним: «Мы слишком беспокоились о личности того, кто приезжает в страну, и мы не уделяем достаточного внимания личности страны, которая приветствует новичка» [55].

Однако за последние два года ситуация не улучшилась; Кроме того, кризисные явления распространяются по всей Европе. В мае 2013 года пригороды Стокгольма были охвачены массовыми беспорядками, полностью аналогичными тем, которые произошли во Франции в 2007 и 2009 годах: молодые иммигранты подожгли автомобили, школы, питомники, нападая на полицию. Позднее погромы начались в других городах Швеции [60].

Похоже, что причина неудачи политики мультикультурализма заключается в изначальной неосуществимости предлагаемой модели, что противоречит фундаментальным социально-политическим узорам. Институциональная структура государства и общества всегда основана на культуре, которая ее доминирует. Появление изолированных сообществ, которые заметно различаются в культуре, означает, по сути, появление «параллельных обществ» и, в конечном счете, «параллельных государств». Альтернативные (и даже менее политические)

социальные институты, сталкивающиеся с официальными структурами, неизбежно порождают конфликты, которые, в свою очередь, усиливают изоляцию культурных сообществ, породивших их.

Рассмотрим это объяснение более подробно, начиная с теоретических предпосылок. Во-первых, мы должны обратить внимание на важность категории «институт» в социальных науках. Даже Э. Дюркгейм определил социологию как науку об институтах. Что касается политической науки, то основное внимание уделяется государству: метаинституту, функция которого заключается в регулировании деятельности остального общества. В отдельных научных школах институты могут пониматься по-разному, но практически все исследователи признают их центральную роль в регулировании социальных отношений. Например, Д. Норт, один из основателей неоинституционализма, считает, что «институты – это «правила игры» в обществе или, более формально, ограничивающие рамки, созданные людьми, которые организуют отношения между людьми». Эти «правила игры» можно рассматривать лишь как временный продукт соглашений между отдельными лицами, как, например, в теории рационального выбора. Однако нам кажется, что более систематический подход к этому вопросу (предложенный Т. Парсонсом) представляется более оправданным, согласно которому институты представляют собой единую структуру, которая поддерживает общество и гарантирует его функционирование. По сути, институциональная структура – это то, что превращает хаотичную массу людей в общество, и это мало зависит от личных соглашений между конкретными людьми, а тем более от их рациональных решений. В процессе социализации человек входит в уже сложившийся общественный порядок. Он вынужден следить за ней не только в связи с неизбежными санкциями, но и просто потому, что большинство правил и положений, которые он соблюдает, вообще не соблюдаются, даже если они были первоначально оформлены. Человек постоянно проживает в рамках учреждения или института практики: посещает занятия в университете или водит машину, приветствует коллегу или голосует за кандидата

в президенты. Конечно, отдельный студент может решить пропустить конференцию, водитель – превысить скорость, знакомый – не сказать привет, а избиратель – не идти на выборы. Но эти нарушения всегда эпизодичны, и никто не ставит под сомнение сама необходимость правил, регулирующих деятельность человека. Контркультурные группы могут заявить о такой цели, но на практике они просто заменяют некоторые нормы другими. Например, преступная субкультура поощряет нарушение официальных норм, но предписывает строгое соблюдение своих «законов».

Чтобы быть «вне» институциональной структуры общества, человеку придется отказаться от всех социальных ролей, отказаться от всех социальных групп, фактически прекратить любые контакты с другими людьми. Поэтому институты являются неотъемлемой базой социальной реальности, без которой общество не может существовать. Теперь нам нужно уточнить происхождение институтов. Даже если, по мнению сторонников теории рационального выбора, они создаются в результате сознательных решений, даже этот выбор не является полностью бесплатным. Существует такое явление, как зависимость от дороги, «зависимость от дороги». Каждый сделанный выбор создает набор следующих параметров и изменяет их относительную прибыльность. Одним из самых известных примеров этого является эффект QWERTY, название первых шести букв на клавиатуре компьютера. Такой порядок букв, как показали эксперименты, не очень эффективен с точки зрения скорости и точности ввода. Однако гораздо более эффективные альтернативы практически не применяются. Причина – «инерция» производства, которая была сохранена со времени появления первых пишущих машинок, когда такой дизайн был выбран в результате длительных экспериментов, чтобы избежать захвата механизма. Даже тогда, в XIX веке, другие решения этой проблемы были возможны, но расширяющиеся школы набора текста, основанные на QWERTY, препятствовали их принятию. Теперь внедрение альтернативных стандартов уже не выгодно. Однако зависимость каждой из выборов от того, что было сделано ранее, является лишь одним из

факторов, определяющих развитие институтов. Гораздо важнее то, что все социальные нормы уходят корнями в культуру. Представители разных культур по-разному реагируют на одни и те же явления, а это значит, что созданные ими институты также будут разными. «Культура с помощью языка создает концептуальные рамки для кодирования и интерпретации информации, которую наши чувства обеспечивают мозгом», – пишет Д. Норт, который считает, что характеристики человеческой мысли «являются основой существования институтов». Согласно выводам другого теоретика неоинституционализма Дж. Р. Серла, институт может существовать только тогда, когда люди имеют определенные убеждения и мнения, связанные с ним, и поэтому ментальные представления об учреждении или связанные с ним правила играют важную роль конститутивная бумага. Мы также можем привести мнение В.М. Сергеева, который указал, что возникновение институтов является следствием частичного совпадения представлений о мире, ценностях и опыте большинства населения, включенного в конкретное сообщество, которое в противном случае он разваливается.

Итак, основой существования институтов (и, следовательно, социального порядка) является культура или, более конкретно, менталитет людей, их мировоззрение. Это мировоззрение определяется в основном этнической принадлежностью личности. Однако основатель этнологии С.М. Широкогоров ввел особое понятие – «психический комплекс», являющийся ядром этнической принадлежности, основой этнической специфики – «культурные элементы, которые состоят из психических и психических реакций, как в целом, так и в его элементы могут быть изменчивыми или стабильными, динамическими или статическими » [51, с. 66]. Когда мигрант достигает другого состояния, он «приносит свою этническую принадлежность ему», на самом деле, по словам ученого Ю.В. Бромли, «поскольку предел делимости этнической группы, в которой ее свойства в основном сохраняются, является индивидуумом и является

этническим микроэлементом». Кроме того, это зависит от политики этого государства.

Первоначально, до второй половины XX века, иммигранты, как ожидается, наблюдали не только законодательные нормы, но и неформальные страны пребывания. Сохранение их культур общинами-мигрантами не было запрещено, но предполагалось, что культура коренного населения имеет безусловный приоритет. Однако при нынешней политике мультикультурализма каждая, даже небольшая этническая группа, государство оказывает ту же поддержку, что и коренное население, не нуждается в адаптации к существующему обществу. Этническая система, не ограниченная доминирующей культурой, начинает воссоздавать себя в соответствии с принципами, установленными в ее психическом комплексе. Если учреждения, за которыми следует коренное население, не согласны с мировоззрением мигрантов, они не будут следовать им и строить свои собственные. Фактически, каждое мировоззрение предполагает определенную модель «истинной» реальности, а все другие варианты социально-политических систем представлены носителем этого мировоззрения как ложные. Это хорошо продемонстрировано в статье «Устойчивость убеждений» философа М. Поланьи. Он указал на сходство замкнутых систем убеждений, будь то шаманизм, фрейдизм или даже научный взгляд на мир как таковой.

Человек, в сознании которого встроена та или иная система убеждений, видит мир, как предписано этой системой. Противоречивые факты не принимаются во внимание или даже по цепочке рассуждений используются в качестве е? новые доказательства. Например, Поланьи ведет магическое мировоззрение африканского племени Азанде. Для европейцев вера Азанды в точность его оракулов кажется смешной, но для самих европейцев аргументы европейцев кажутся не менее абсурдными, на которые они сразу находят много убедительных доказательств (в их системе верования) его справедливости. Кроме того, Поланьи показывает, что стабильность всех систем убеждений (включая науку) основана на трех принципах: закрытии, эпицикличности и подавлении любой

альтернативной корневой системы. Первый принцип означает, что для обоснования положения системы другие неизбежно участвуют, и этот цикл может продолжаться бесконечно. Второй принцип подразумевает возможность нейтрализации любого факта, который несовместим с системой, путем введения дополнений к существующим точкам зрения, как это произошло с геоцентрической космологией Птолемея, в которой были введены новые эпициклы для объяснения обнаруженных отклонений планет (от там термин «эпицикличность»). Наконец, третий принцип заключается в том, что любая новая система убеждений должна появляться постепенно, посредством рассуждений, но первые два принципа подавляют любые сомнения до того, как это произойдет. Поэтому можно сделать вывод, что убеждение сторонников мультикультурализма в том, что иммигранты добровольно признают права человека и другие либеральные ценности принимающего государства, беспочвенны. Современные социально-психологические исследования показывают, что восприятие информации очень избирательно и напрямую зависит от менталитета человека

Люди неосознанно пытаются избежать когнитивного диссонанса и, следовательно, «фильтровать» информацию, которая не соответствует их мировоззрению. Однако, если его образ мира по-прежнему ставится под сомнение чьими-то заявлениями или действиями, то нервозность, страх смерти и стремление убедиться в точности его взглядов значительно улучшены.. В рассматриваемом случае социально-политический порядок принимающего государства оказывается несовместимым с мировоззрением мигрантов, что заставляет их, в первую очередь, изолировать и создать «параллельное общество», а затем, после достижения критической массы, бороться за восстановление окружающего общества.

Такая борьба в значительной степени находится на уровне символов, будь то демонстративное ношение национальных костюмов и построение роскошных религиозных зданий или требование изменить «оскорбительные» государственные символы и вандализм против памятников и церквей. Являясь

видимым выражением определенной культуры и, следовательно, определенным видением мира, символы указывают, кто «владеет» той или иной территорией. Расширение их символов или ограничение незнакомцев иммигрантам означает подтверждение в их собственных глазах истины их культуры, «закрепление» социального пространства принимающей страны. Но на пути к преодолению иммигрантов когнитивный диссонанс – это не только символы культуры коренного населения, но и принципы, в которых они живут. Мигрантов недостаточно, чтобы их можно было жить по их стандартам, они начинают требовать соблюдения этих правил своими соседями, полностью устранять «нерегулярность» наблюдаемой социальной реальности. Институты, которые ранее действовали только внутри сообщества, начинают применяться к коренному населению. Затем на улицах Лондона есть «исламские патрули», заставляющие прохожих следовать заветам шариата. Однако монополия законного насилия по определению может принадлежать только государству. Если в миграционных анклавах и на окружающих территориях этот де-факто имеет другие структуры, то существуют альтернативные «параллельные состояния». Конфронтация культур неизбежно переходит из социальной в политическую, потому что два государства не могут сосуществовать в социальном пространстве. Ограниченное в своих действиях многокультурность и политическая корректность, официальное государство постепенно возвращается к альтернативным силовым структурам. С одной стороны, параллельные институты начинают вытеснять чиновников, например, в Германии, большинство преступлений, связанных с мигрантами, рассматриваются неформальными судами в их общинах с попустительством германской системы правосудия. С другой стороны, официальные институты власти постепенно меняются в сторону принятия норм другой культуры. Например, судья суда по делам семьи Франкфурта Кристина Дац-Зин оправдала мигранта, который систематически избивал свою жену, ссылаясь на шариат, что допускает такое поведение. В то же время не следует забывать, что перечисленные закономерности также применимы

к коренному населению. Тот же когнитивный диссонанс, чувство угрозы существованию привычной социальной реальности подталкивает граждан к тому, чтобы они самостоятельно выступали против расширения культуры другого человека.

Неспособность юридически оспаривать мультикультурализм естественно ведет к незаконной деятельности и радикализации. Растет число межэтнических конфликтов и популярность правых партий. Это, в свою очередь, стимулирует радикализацию и агрессию мигрантов. Со временем такие процессы могут привести общество к состоянию так называемого «добровольного апартеида», примером которого является Северная Ирландия. «Добровольный апартеид» по ирландскому делу означает, что каждая этническая группа создает и поддерживает свои собственные институты и общественные организации, начиная с самых важных, таких как система образования, с отдельными группами мусорщиков, исключая только «свои» районы. Существует «дублирование объектов: почта, центры досуга, магазины, спортивные поля, автобусные остановки, почтовые ящики ... Поэтому автобусные маршруты наматываются, проходят только через блоки" цвет »... Партия« Альянса », либеральная и межобщинная, оценивает затраты на это дублирование в 1,5 миллиарда евро в год». Однако, несмотря на все вышеупомянутые явления и признание глав европейских государств в начале этой статьи в непоследовательности мультикультурализма, большинство стран ЕС следуют этой политике. Кроме того, политики и эксперты, критикующие его, маргинализированы и лишены своих позиций в государственных структурах, как это произошло с Тило Сарразином или ранее с Крисом Парри. Дискурсы коренных народов против государственного патронажа общин мигрантов игнорируются или репрессированы и нетипичны для либеральной Европы. Таким образом, в Бельгии мэр Льежа категорически запретил марш протеста против строительства гигантской мечети площадью 11 тысяч квадратных метров за счет государства. м, с библиотекой, кафе, магазинами и минаретом 18 метров. Другим примером

является действие Пуатье 20 октября 2012 года, когда французское молодежное движение «Zenerason Idantiter» («Поколение идентичности») провело на месте строительства нового мирного мероприятия мечети по отношению к в 1300-ю годовщину битвы при Пуатье, и потребовал вернуть иммиграционные вопросы на референдум. Протестующие были арестованы по обвинению в «расовой ненависти», а премьер-министр Жан-Марк Айро признал ее виновной в политической неправомерности [62]. Эти и другие случаи показывают, что правящие элиты Европы рассматривают мультикультурализм как нечто не подлежащее критике. Как отметил Малика Сорель, публицист и член Французского Высшего совета по миграции, этот подход «стал своеобразной навязчивой идеей для политического класса». По его мнению, «правительство допустило серьезные ошибки в своем подходе к этой иммиграции, поскольку оно систематически недооценивало ключевую позицию, занимаемую культурой в процессе интеграции», кроме того, «когда мы говорим об интеграции, они часто меняют роли, необходимо, чтобы коренные народы принимающего государства приспособились к новичкам, изменили их принципы и ценности, которые лежат в основе их самосознания » [63]. Однако лишь небольшое число политиков рискуют выразить такие сомнения, опасаясь обвинений в «расизме» и «нетерпимости». Похоже, что сохранение элиты в неудавшейся политике с оппозицией все более широкой части населения, которая может быть частично объяснена тем же закрытым миром, о котором мы говорили ранее.

Европейские правительства проводят политику мультикультурализма, а не столько для интеграции, сколько для реализации своих «узких» интересов. Характерной чертой германского мультикультурализма является то, что политикой мультикультурализма было правительство Германии и политические партии. Общество вяло относилось к политике мультикультурализма и пропаганды толерантности. В результате правительство, которое так и не смогло разработать механизм взаимодействия с иммигрантами, было вынуждено объявить провал мультикультурализма.

В политике ведущих стран ЕС можно сказать, что мультикультурализм потерпел крах. Об этом заявляют и сами главы государств-членов ЕС. Проходящие саммиты с участием таких ведущих стран как Германия, Франция, Великобритания так же не увенчались успехом. Только на протяжении долгих переговоров странам удалось прийти к единому соглашению по миграционным вопросам, а так же по поводу проводимой политики мультикультурализма.

Миграционный кризис в Европе перерастает в кризис политический. В Германии – раскол в правящей коалиции, во главе с А.Меркель. Глава партии ХСС в Германии Х.Зеехофер выступил с резкой критикой против проводимой А.Меркель миграционной политики. Он потребовал выслать мигрантов из страны, угрожая выходом из коалиции.

В Великобритании так же существуют разногласия и противоречия, особенно в правящей партии. Так, однопартийцы выступили против своего лидера Т.Мэй опять же по вопросу миграции. Также, одной из причин выхода Великобритании из состава Европейского союза называют разногласия по вопросам миграционной политики. Brexit, таким образом, поможет Великобритании депортировать из страны всех мигрантов, прибывших в Соединенное Королевство незаконным путем.

В связи с существующими разногласиями в правящих партиях стран ЕС укрепляются позиции правых партий, а так же националистических движений.

Вместе с существующими минусами политики мультикультурализма можно так же выделить и положительные моменты. В период проводимой политики, в странах ЕС произошел прирост населения, за счет мигрантов. Следовательно появилась потребность в увеличении объема производства товаров и услуг. Мигранты в свою очередь, получили места работы, а граждане ЕС – возможность приобретения более дешевых товаров.

Таким образом, мультикультурализм является одним из основных принципов современной либеральной идеологии, и отказ от него ставит под сомнение его другие принципы. Поэтому европейские политики являются заложниками

собственной системы ценностей и предпочитают следовать за курсом после его избрания, даже если он не достигнет результатов. Однако такая позиция создает риск дальнейшей дестабилизации социальной и политической системы европейских стран до начала вооруженных конфликтов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце прошлого века страны Европы еще не отождествляли себя иммигрантскими, и поэтому идеология мультикультурализма была воспринята позитивно не только из-за потребности в привлечении дешёвой рабочей силы, но и из-за определённого состояния общественного мнения. В большинстве стран Западной Европы, объявляя мультикультурализм официальной политикой государства, представители органов власти руководствовались позицией улучшения управляемости новыми, слабо ассимилированными иммигрантскими общинами, не обращая внимания, на обратную сторону политики мультикультурализма, заключающуюся в том, что при такой политике человек, вынужден был делегировать свои полномочия этноконфессиональной группе, и его отношения с государством становились ею опосредованы.

В Европе политика мультикультурализма успешно просуществовала до начала XXI века. В последние годы европейский подход мультикультурализма стал подвергаться критике, как со стороны политиков, так и со стороны общественности. В европейских политических кругах политика мультикультурализм ставится под сомнение с консервативной и либеральной точек зрения. Консервативная критика исходит из необходимости замены мультикультурализма на монокультурализм. Эта идея базируется на принципе традиционализма большинства, и настаивает на законодательно закреплённых привилегиях для доминирующих культурных групп. Консервативной критики политики мультикультурализма придерживаются неонацисты в Германии, ультраправые партии во Франции – «Национальный фронт», в Великобритании Партия независимости Соединенного Королевства, получившие существенное количество мест в Европарламенте на выборах 2014 года. В то же время, официальная позиция стран ЕС (Германия, Франция, Великобритания) ближе к либеральной критике мультикультурализма, которая заключается в сохранении культурного многообразия. Однако зачастую такое сохранение своеобразия

отнодью не добровольно, и происходит под давлением общин вступая в противоречие с правами других людей и принципом равноправия, и гражданской сущностью современного общества.

Анализируя вероятные перспективы нынешней политики мультикультурализма, мы можем говорить о его кризисе, если не о крахе. Он должен быть признан прерывание процесса социокультурной интеграции иммигрантов в принимающей стране. Во многих отношениях причиной является нежелание эмигрантов отделиться от своих собственных национальной идентичности, ее корнях. В то же время личность мигрантов уже, по сути, такого нет и воссоздается вторым и третьим поколением в несколько искаженном виде, часто являясь основой для посадки религиозная нетерпимость, фундаментализм. Можно сказать, что такие методы Идентичность личности умело скрывается за национальной идентичностью, вынимая в то же время, сил. Существование противоречивых ценностей (многокультурные общества, терпимость и национальная, культурная самобытность и национальная идентичность) в современном глобализирующемся обществе может генерировать социальные конфликты, которые часто решаются путем укрепления политика мультикультурализма, которая только усугубляет ситуацию и ведет к новым конфликтам.

Канцлер Германии Ангела Меркель на собрании молодежного актива Христианско-Демократической партии 16 октября 2010 года заявила, что мультикультурализм, или, как сами немцы его называют просто «мультикульти», «полностью провалился». Также А. Меркель высказала мысль о том, что наплыв иммигрантов тянет немецкую экономику в прошлое, однако Германии все еще нужны более высококвалифицированные специалисты, в отличие от неквалифицированных рабочих, которые ищут в Германии лишь экономических преимуществ. Несмотря на все высказывания о провале политики мультикультурализма. Германское правительство намерено существенным образом пересмотреть свою политику в отношении мигрантов и миграции в

целом, поскольку в стране существуют объективные причины, объясняющие необходимость мигрантов. Одной из важнейших причин необходимости мигрантов выступает сложившаяся критическая демографическая ситуация. Катастрофическое старение немецкой нации наводит на мысль, что в стране еще долгое время будет сохраняться нехватка рабочей силы. Высказывания о провале политики мультикультурализма не избавило немецкое общество от поликультурности, поликонфессиональности и полиязычия. Необходимо внести серьезные коррективы в фундаментальное положение национальной идеологии, выстроенной из четырех составляющих: общность происхождения, языка, культуры, исторических традиций.

Анализ показывает многообразие политики мультикультурализма в современном мире. Это связано с тем, что термин «мультикультурализм» часто используется просто как синоним «толерантности». В этом смысле возможность решения кризиса мультикультурализма проявляется в реализации следующих мер. Прежде всего, правительствам необходимо принять конкретные меры в области интеграции иммигрантов, решения проблем в этой сфере, а не только постулировать толерантность как основу социального порядка. Во-вторых, необходимо уделять внимание обучению толерантности не только гражданам принимающей общины, но и самих иммигрантов. В-третьих, необходимо разработать конкретные нормы и принципы мультикультурализма во всем европейском пространстве. Несомненно, эта проблема должна решаться на уровне Европейского Союза, а не на индивидуальном уровне.

Библиографический список

Книги и статьи

1. Ачкасов, В.А. Массовая иммиграция: «бич нашего времени» или ? / В.А. Ачкасов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2009. – № 3. – С. 124–140.
2. Бек, У. Власть и оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / Ульрих Бек; пер. с нем. М. Григорьева. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 464 с.
3. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб. – М.: Логос, 2011. – 350с.
4. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса / Ю.В.Бромлей. – М.: Либроком, 2010. – 560 с.
5. Бьюкенен, П. Смерть запада / Пер.с англ. Башкирова, М.:АСТ, 2012. – 440 с.
6. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн; пер.с англ. Кудюкина. – СПб: Университетская книга, 2001. – 214 с.
7. Васильева, Т.А. Правовой статус этнических меньшинств в странах Западной Европы/ Т.А. Васильева // Государство и право. – 2002. – №8. – С. 133–142.
8. Волкова, Т.П. Теория мультикультурализма как синтез философских концепций либерализма и коммунитаризма: дис.... канд. филос. наук / Т.П. Волкова. – Мурманск, 2006. – 174 с.
9. Власов, Н.А. Германия в начале XXI века / Н.А. Власов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, –2012. – 307 с.
10. Дьяконов, К.Б. Особенности интеграции этнических и конфессиональных меньшинств во Франции / К.Б. Дьяконов // Социологические исследования. – 2008. – № 11. – С. 83–91.

11. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
12. Глобализация и мультикультурализм / под ред. Н. С. Кирабаева. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 332 с.
13. Гувернер, С. От гражданской войны к апартеиду: сегрегация в Северной Ирландии / С. Гувернер // Свободная мысль. – 2006. – № 4. – С.25
14. Казанцев, А.А. О когнитивно-неоинституциональном подходе к изучению международных отношений / А.А. Казанцев // ПОЛИС. Политические исследования, 2003. – № 1. С. 145
15. Кимлика, У. Современная политическая философия: введение / У. Кимлика; Пер. с англ. Моисеева. – М.: Гос.ун-т. – ВШЭ, 2010. – 592 с.
16. Крёбер, А. Конфигурации развития культуры / Альфред Крёбер; пер.с англ. М. Борзуновой. – СПб: Университетская книга, 1997. – 728 с.
17. Кукатас, Ч. Либеральный архипелаг: Теория разнообразия и свободы / Ч. Кукатас; пер.с англ. Н. Эдельман. – М.: Мысль, 2011. – 488 с.
18. Куропятник, А.И. Мультикультурализм: Идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ / А.И. Куропятник // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. Т. 3, №2 – С. 53-65.
19. Куропятник, А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 8
20. Куропятник, А.И. Иммиграция и национальное общество / А.И. Куропятник // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – С. 137-165.
21. Малахов, В.С. Иммиграционные режимы в государствах Запада и в России: теоретико-политический аспект. Часть 1 / В.С. Малахов // Полис. – 2010. – № 3. С 55.
22. Малиновский, Б. Научные принципы и методы культурного изменения / Б. Малиновский. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 728 с.
23. Методология и методы изучения миграционных процессов / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. – М.: Наука, 2007. – 371 с.

24. Миграция и национальное государство / под ред. Т. Бараулиной, О. Карпенко. – СПб.: ЦНСИ, 2004. – 216 с.
25. Миграционные процессы: социально-экономический аспект (на примере ведущих стран) / отв. ред. Э.В. Кириченко, М.З. Шкундин. – М.: ИМЭМО, 2007. – 170 с.
26. Миграционный потенциал стран нового зарубежья / под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ИСПИ, 2006. – 56 с.
27. Миграция во взаимозависимом мире: Новые направления деятельности. Доклад Глобальной комиссии по международной миграции. – М.: Оргсервис-2000, 2006. – 100 с.
28. Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире: Исследовательские подходы и интерпретации / под ред. Г. И. Зверевой. – М.: Аспект-Пресс, 2003. – С. 8–29
29. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. / Д. Норт. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 190 с
30. Погорельская, С.В. Мусульмане Германии: Специфика интеграции/ С.В. Погорельская // Актуальные проблемы Европы: Сб. научн. тр. – М.: ИНИОН, 2008. – № 1. – С. 121-141.
31. Погорельская, С.В. Германия и мультикультурализм / С.В. Погорельская // Актуальные проблемы Европы: сб. науч. тр. – М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2011. – № 4. – С. 79-117
32. Рамадан, Т. Европа должна стать нашим домом. Участие в жизни общества вместо обособления: Европейские мусульмане должны учиться жить на Западе, не отрекаясь от своей веры / Т. Рамадан // Intern. Politic. – 2005. – № 2.
33. Роллин, А. Христианство и ислам: непростая история / А. Роллин. – М.: ББИ, 2004. – 336 с.

34. Романов, И.А. Миграционная политика: Проблемы целевого переселения / И.А. Романов // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки . – 2004 . – N5 . – С. 85–91
35. Рыхтик, М.И. Политика мультикультурализма и особенности зарубежного опыта регулирования проблем, связанных с интенсификацией миграционных потоков / М.И. Рыхтик // Вестник Башкирского университета. – 2012. – №5. – С. 388–391.
36. Семенов, И.С. Мультикультурализм в повестке дня публичной политики / И.С. Семенов // Год Планеты (ежегодник ИМЭМО). – 2011. – С. 161–173.
37. Сергеева, О.А. Роль этнокультурной и социальной маргинальности в трансформации цивилизационных систем / О.А. Сергеева // Общественные науки и современность. – 2002. – №5. – С. 104–114
38. Тернборн, Г. Мультикультуральные общества / Гёран Тернборн; пер. с англ. И. Тартаковская // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1. – №1. – С. 50–67
39. Тишков, В.А. Этнология и политика / В.А. Тишков. – М.: Наука. – 2005. – 384 с.
40. Тишков, В.А. Теория и практика мультикультурализма / В.А. Тишков // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. – М.: ИЭА РАН. – 2009. – 356 с.
41. Тхор, В.В. Британская мусульманская идентичность в условиях мультикультурализма / В.В. Тхор // Философия и культура. – 2014. – №1 (73). – С. 89–98.
42. Тлостанова, М.В. Как «научится разучиваться», или какой университет нужен в XXI веке?. – <http://conf.rudn.ru/intemalization/res/tlostanova.pdf>
43. Садовская, Е.Ю. Социология миграций и современные западные теории международной миграции / Е.Ю. Садовская // Социальная политика и социология. – 2004. – № 1. – С. 83–88.

- 44.Соболев, В.Г. Мусульманские общины в государствах Европейского Союза: проблемы и перспективы / В.Г. Соболев. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2003. – 149 с.
- 45.Филимонов, Г.Ю. Мультикультурализм в США и Европе: политтехнологии в действии / Г.Ю. Филимонов // Политика и общество. – 2012. – № 2 (92). – С. 62–72.
- 46.Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Френсис Фукуяма; пер.с англ. М.Б. Левина. – М.: Издательство АСТ, 2010. – 463 с.
- 47.Хабермас, Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Юрген Хабермас; пер.с нем. Л.В. Воропай. – М.: Праксис, 2010. – 264 с.
- 48.Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций /Самюэль П. Хангтингтон; пер.с англ. Т. Велемеева, М.: АСТ, 2006. – 576 с.
- 49.Чертина, З.С. Плавильный котёл? Парадигмы этнического развития США / З.С. Чертина, М.: ИВИ РАН, 2010. – 164 с.
50. Шнайдер, Э. Мультикультурализм в Германии / Э. Шнайдер // Россия и мусульманский мир. – 2012. – № 11 (245). – С. 166–169.
- 51.Широкогоров, С.М. Трудности исследования психоментального комплекса // Широкогоровские чтения, Владивосток, 2001: материалы. Владивосток: ДВГУ, 2001. – С. 65–70
- 52.Татарко, А.Н. Этническая толерантность в поликультурных регионах России / А.Н. Татарко, Н.М. Лебедева. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 296 с.
- 53.Ясперс, К. Призрак толпы / Карл Теодор Ясперс, Жан Бодрийяр; пер. с англ. Р. Селина, М.: Алгоритм, 2014. – 272 с.

Электронные источники

54. Меркель заявила о провале мультикультурализма.
– <http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/10/10>
- 55.Кэмерон призывает забыть о политике мультикультурности.
– http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2011/02/110205_camero

56. Саркози признал провал мультикультурализма.
– <http://lenta.ru/news/2011/02/11/fail/>
57. Коронованные особы. «Мусульманские патрули» вышли на улицы Лондона.
– <https://rg.ru/2013/01/22/patrul-site.html>
58. Кукатас, Ч. Теоретические основы мультикультурализма. –
<http://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism/>
59. В Германии все активнее внедряется шариат. –
<http://regions.ru/news/2464325/>
60. 2013 год обещает стать рекордным по числу построенных в Европе мечетей. – <http://regions.ru/news/2454247/>
61. Шведские беспорядки перекинулись еще на один город. –
<http://lenta.ru/news/2013/05/25/orebro>
62. Молодые французы захватили мечеть и призвали к Реконкисте. –
<http://regions.ru/news/2430430/24.06.2013>
63. Малика Сорель. Когда у нас говорят об интеграции, имеют в виду, что именно коренному народу приходится адаптироваться к новоприбывшим. –
<http://regions.ru/news/2445579/>
64. Bauman Z. On the Future of Migrants - And of Europe. –
<https://www.socialeurope.eu/on-the-future-of-migrants-and-of-europe>
65. United Nations: Всеобщая декларация прав. –
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml/
66. Mignolo Walter: The Zapatistas's Theoretical Revolution. –
http://zhurnal.lib.ru/editors/b/bidin_a_g/thezapatistasstheoreticalrevolution.shtml/
67. Султанов, Ш. Запад против ислама. – <http://zavtra.ru/blogs/2005-11-2341/>

Иностранные источники

68. Baldwin T. I Want an integrated society with a difference // The Times. L., 2006-03.04.
69. Barry B. Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism. Cambridge, MA, 2001.

70. International migration: U.N. 2006.
71. Searle J. R. What Is an Institution? // Journal of Institutional Economics. – 2005. – No 1.
72. Polanyi M. The Stability of Beliefs // British Journal for the Philosophy of Science № 3 1952
73. Population facts. – https://vk.com/doc17274437_469001547?hash=61b19ba0bdaad4881a&dl=d0358973967e4940bf
74. Connecting Terror Management and Dissonance Theory: Evidence That Mortality Salience Increases the Preference for Supporting Information After Decisions. Jonas E., Greenberg J., Dieter Frey // Personality and Social Psychology Bulletin № 29 2003
75. Gerard Mermet. Francoscopie 2007. Larousse.: Paris, 2006
76. Le Monde 16.11.05; Marcel Detienne/ Directeur d'études honoraire à l'école pratique des hautes études (EPHE). Le Monde 12-13.07.02
77. Identite nationale: Fillon joue l'apaisement. – <http://www.lefigaro.fr/politique/2009/12/05/01identite-nationale-fillon-joue-l'apaisement.4.1.2.09>.
78. Тема иммиграции во Франции накануне президентских выборов 2012 года. – http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0513/analit03.php#_FNR_43